

Алексей Калугин

Фуггази-Джаз

*Часть сборника
Форс-мажор (сборник)*

Алексей Калугин

Фуггази-Джаз

«ЭКСМО»

2008

Калугин А. А.

Фуггази-Джаз / А. А. Калугин — «Эксмо», 2008

«– Дамы и господа! Через пятнадцать минут наш самолет покинет зону единого информационного пространства, после чего все имеющиеся у вас предметы личного пользования, созданные с помощью универсальных информационных носителей, дематериализуются. Не забывайте об этом, дабы не оказаться в неловком положении...»

© Калугин А. А., 2008

© Эксмо, 2008

Алексей Калугин Фуггази-джаз

– Дамы и господа! Через пятнадцать минут наш самолет покинет зону единого информационного пространства, после чего все имеющиеся у вас предметы личного пользования, созданные с помощью универсальных информационных носителей, дематериализуются. Не забывайте об этом, дабы не оказаться в неловком положении...

В голосе пилота едва заметная ирония. Еще бы! Кто не слышал уморных историй о рассеянных туристах, забывших переодеться в одежду, созданную без использования нанотехнологий, и оставшихся в чем мать родила, как только самолет пересек границу с Россией, на территорию которой единое информационное пространство, как известно, не распространяется. Большинство этих историй всего лишь байки, придуманные самими же туристами, чтобы по возвращении домой повеселить друзей и родственников, не представляющих себе, что такое жизнь без уинов. Уже хотя бы потому, что вас не пустят в самолет, следующий рейсом в Россию, если вы не одеты как положено. А вот что касается всего остального...

– ...Ряд предметов первой необходимости, которые вы забыли приобрести до отлета, могут предложить вам наши стюардессы...

Я открыл саквояж, стоявший на соседнем незанятом сиденье. Так, туалетные принадлежности, допотопный сотовый телефон, миниатюрный диктофон, цифровой фотоаппарат, электронный органайзер, два чистых блокнота, пачка сторублевых купюр... Собственно, все это можно было купить уже по прибытии в аэропорту или в гостинице, но я предпочитаю обзавестись всем необходимым заранее, дабы потом не забивать голову ерундой. По роду деятельности мне регулярно приходится бывать в России, поэтому я на собственном опыте знаю, насколько трудно человеку, привыкшему к жизни в информационном пространстве, постоянно следить за тем, чтобы под рукой имелись все необходимые мелочи.

Я поднял руку. Миниатюрная блондинка в малиновой униформе, катившая по проходу между креслами столик на колесиках, улыбнулась, заметив мой жест, и быстро двинулась в мою сторону.

– Что желаете?

– Авторучку.

Стюардесса нажала кнопку на краю столика, и моему взору предстали три десятка самых разных авторучек – от пластиковых простушек до похожих на сигары монстров в золоченых корпусах. Я выбрал небольшую, аккуратную, удобно лежащую в руку авторучку с серо-стальным корпусом, покрытым витым узором, выполненным чернью. Она не бросалась в глаза, но внимательный наблюдатель мог отметить, что это отнюдь не дешевка.

– Еще что-нибудь? – вежливо осведомилась стюардесса.

– Благодарю, это все, что мне надо, – ответил я, убирая авторучку.

– У вас нет часов, – улыбнулась девушка.

На руке у меня часов действительно не было. Я достал их из специального маленького кармашка, нашитого поверх внутреннего кармана пиджака, и не без гордости продемонстрировал красавице. Большие круглые часы с откидывающейся крышечкой, ажурными стрелками и крупными римскими цифрами. Настоящий антиквариат. На внутренней стороне крышечки можно прочесть полустершуюся гравировку «Петр Леонидович Максинь». Наверное, это имя первого владельца часов. И мое тоже. Но тот, кому часы принадлежали прежде, не имеет ко мне никакого отношения. Часы подарила мне Настя четыре года назад на мой тридцать пятый день рождения. Настю поразило удивительное совпадение имен, и она решила, что непременно должна подарить мне эти часы. Настя молчала, как заговорщица, когда я расспрашивал ее о

стоимости часов, но, подозреваю, обошлись они ей недешево. Я как раз впервые в Москву собирался, и часы пришлись очень кстати. А потом они стали для меня не талисманом даже, а амулетом, таинственным оберегом, спасающим от любых напастей. Я носил их даже в информационном пространстве, где в часах нет никакой надобности – точное время можно узнать, просто подумав об этом. Кто знает, быть может, мистическое совпадение имен бывшего и нынешнего владельцев часов на самом деле наделяло их какими-то чудодейственными свойствами?

– Замечательные часы, – вежливо улыбнулась стюардесса, хотя, конечно же, не смогла оценить вещь по достоинству. – Так вам больше ничего не нужно?

– Нет, – я спрятал часы в карман.

Зачем я вообще их доставал? Не для того же, чтобы произвести впечатление на совершенно незнакомую девушку? Должно быть, мне самому нужно было на них взглянуть. Обычно это помогает мне сосредоточиться и собраться с мыслями.

– Триста семьдесят уинов, – стюардесса показала мне стержень уин-дозатора, на узеньком табло которого горело озвученное число.

Я кивнул и положил на подлокотник левую руку. Стюардесса коснулась активным кончиком дозатора углубления на уин-перстне, украшавшем мой безымянный палец, и в моем организме стало ровно на триста семьдесят уинов меньше.

– Благодарю вас, – еще раз дежурно улыбнулась стюардесса. – Желаю приятно провести время, – и покатила дальше по проходу свой столик.

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Хорошо тому, кто летит в Россию первый раз, чтобы охать и ахать, с удивлением глядя на причуды и выверты последней страны, оставшейся в стороне от единого информационного пространства. Он еще даже и не подозревает, с чем ему предстоит столкнуться. То, о чем с восторгом рассказывают рекламные проспекты туристических фирм, для него пока не более чем экзотика, нечто такое, чего не увидишь больше нигде в целом мире. И хорошо, если такой же экзотикой она и останется для него после возвращения домой. Интересно, многие ли из тех, что летят сейчас одним со мной рейсом, захотят снова вернуться в Россию? Хотя бы в качестве туристов?

– Уважаемые пассажиры! Самолет заходит на посадку! Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение и пристегните ремни!

Ну, вот и прилетели!

* * *

Неприятности у туристов начались уже в зале прибытия. Кто-то вдруг обнаружил пропажу очень нужных ему вещей.

«Видите ли, я постоянно пользуюсь когтектогом дикчии, – безбожно шепелявя, жалуется пожилой, статный мужчина своему соседу. – Шовегшенно жабыл пго него». Две дамы, минуту назад забежавшие в туалетную комнату, выскакивают оттуда с вытаращенными глазами. «Они до сих пор пользуются унитазами!» – громким шепотом сообщает одна из них своим спутникам. Однако! Нужно было хотя бы памятку для туристов в самолете прочитать.

Встречающий группу представитель туристической фирмы, размахивая рукой, громко объясняет прибывшим план дальнейших действий:

– Кто еще не успел получить свой багаж, подойдите к стойке номер двенадцать!..

Я поудобнее перехватил ручку саквояжа. Багаж – вот еще одно слово, напрочь вышедшее из употребления в зоне единого информационного пространства. О каком багаже может идти речь, если любая необходимая вещь может быть создана на месте в считанные секунды?

– Таможенная декларация, – гид машет над головой бледно-зеленой бумажкой, – должна быть заполнена в строгом соответствии с утвержденной формой! Нельзя просто написать на листке бумаги «Я привез с собой пять тысяч рублей» и поставить подпись!..

Туристы смеются, недружно, но громко, как будто оценили шутку. На самом деле просто увидели, как усмехается гид, и не захотели выглядеть глупее других. Туристы все больше пожилые, а значит, много путешествующие. Кому из них за последние пятнадцать лет приходилось заполнять таможенную декларацию? Это Россия, дорогие мои соотечественники! Россия, а не Мексика и не Шри-Ланка!

– Внимание! – Гид хлопает в ладоши, добываясь внимания всех без исключения членов группы. Я перехватываю ручку саквояжа двумя руками и из чистого любопытства тоже смотрю в его сторону. – После того как все формальности будут улажены, мы встречаемся здесь! – гид указывает вытянутой рукой на большое световое табло «Вылет – Прибытие». – Видите? – Туристы дружно кивают. – Под этим большим табло! – Он что, за идиотов всех держит? – Как только мы все соберемся, идем в автобус! Автобус доставит нас в гостиницу имени Первой Государственной Думы...

– Простите! – поднимает руку тщедушная старушка с розовыми волосами. – Но нельзя ли перед экскурсией в Государственную Думу заехать в гостиницу?

– Мы как раз туда и едем! – Гид умильно улыбается и складывает ладошки перед грудью. – «Имени Первой Государственной Думы» – это название гостиницы!

Туристы удивленно загомонили.

Я про себя усмехнулся – ничего, привыкайте, вы здесь еще и не с таким столкнетесь.

– Вопросы есть? – Гид призывно вскидывает руку над головой.

Понятное дело, вопросы имеются у всех. Но не те, которые стоит задавать немедленно.

Прекрасно понимаю настроение туристов. Сейчас они больше всего хотят добраться до гостиницы и вселиться в номера, чтобы наконец-то обрести хотя бы видимость защищенности от странного мира, в который они попали. По собственной воле, заметьте!

– Там – туалет! – Гид машет рукой направо. – Там – обменный пункт, – гид машет рукой налево, – где вы можете обменять уины на рубли! Но если сейчас у вас нет острой потребности в рублях, лучше произвести обмен в городе, там курс выгоднее! Быстренько! – Гид хлопает в ладоши. – У нас на все про все полчаса! – Еще один хлопок.

Все, как по команде, разбегаются. На месте остаются трое – шепелявый мужчина и две благообразные старушки.

– Ижвиняющ, – обращается к гиду шепелявый. – В Мошкве мощно пгеобгешти когтектог дикчии?

– За наличный расчет в Москве можно приобрести все, что угодно, – ободряюще улыбается шепелявому гид и отворачивается в сторону.

Смотреть больше было не на что.

Перехватив саквояж левой рукой, я не спеша двинулся к выходу на улицу.

– Уважаемый, – тут же подскочил ко мне паренек лет двадцати двух в кожаной куртке и надвинутой на глаза кепке. – Уины продать не хотите?

– Нет, – коротко ответил я.

– Заплачу лучше, чем в обменном пункте, – не отставал парень.

– У меня нет, – сказал я, чтобы отвязаться. – Все при отлете обменял.

– Не тренди, – презрительно фыркнул парень. – У вас, информатиков, организмы уинами набиты.

Ага, новое словечко появилось. Информатиками теперь называют тех, кто живет в зоне единого информационного пространства. Невзирая на национальность и вероисповедание. А вот для себя они новое название никак придумать не могут. «Россияне». Как только слышу это слово, сразу вижу Илью Муромца на вороном коне с гривой до копыт, в одной руке копьё с темляком, в другой меч-кладенец, к седлу голова Соловья-разбойника приторочена. Только где они теперь, богатыри-то русские?

– Ну так что, продашь сотен пять?

– Нет.

– Козел, – процедил сквозь зубы парень и отвалил в сторону.

Вот еще один характерной признак земли Русской – только здесь тебя могут обхамить просто так, без причины, но за милую душу.

Сами собой распахнулись стеклянные двери, и я вышел на улицу.

Конец апреля – замечательная пора. Тепло, но не жарко. Деревья пока еще стоят голые, лишь кое-где на ветках заметны зеленые крапинки только-только проклюнувшейся листвы. А легкий ветерок уже носит тонкий запах молодой травы, пробившейся из-под спутанных косм сухой, прошлогодней. Пора расцвета и возрождения к новой жизни. Почему никто не додумался разбить клумбу с цветами на выходе из аэропорта? Места более чем достаточно, но вокруг только серый бетон. И какой-то невразумительный монумент, похожий на гору ржавого металлического лома. Сколько раз смотрю на нее, не могу понять, что сия конструкция символизирует.

Не успел я подойти к краю тротуара, как рядом затормозила желтая машина такси.

– У вас багаж? – наклонившись к окошку, приветливо улыбнулся шофер.

Я показал саквояж.

Таксист коротко кивнул, щелкнул клавишей на панели управления, и передо мной распахнулась задняя дверца.

– Гостиница «Балчуг», – сказал я, устраиваясь на сиденье.

Таксист с интересом посматривал на меня через зеркало заднего вида. С одной стороны, говорю я на чистом русском, даже без намека на акцент. С другой – какой же русский возвращается из-за кордона без багажа?

Машина отъехала от тротуара, плавно скатилась по наклонному пандусу и выехала на шоссе.

– По делам или в гости?

Тонкий ход! Вопрос можно повернуть как в одну сторону, так и в другую! Мол, были в гостях? Или приехали в гости?

– По делам, – ответил я, глядя за окно.

– Надолго?

Черт, вроде бы ясно дал понять, что не расположен к беседе.

Я прямо посмотрел в глаза шофера, отражавшиеся в зеркале заднего вида.

– А что?

Взгляд шофера метнулся в сторону.

– Да нет... Я просто так спросил.

От нечего делать я принялся считать дома за окном. Не похоже, что шофер работает на Госбезопасность, – слишком уж прямолинейно начал. Хотя, с другой стороны, даже если и работает, мне-то что? Я официальное лицо, представитель Мирового экологического форума, прибыл в Москву для того, чтобы ознакомиться с последними отчетами по экологическому балансу озера Байкал, договориться об установке новых фильтров на целлюлозно-бумажном комбинате, сбрасывающем в озеро промышленные отходы, и посетить Облонские реликтовые болота. Между прочим, МЭФ готов бесплатно предоставить России фильтры и самостоятельно провести все работы по их установке и наладке. Мне же предстоит уговаривать местное руководство согласиться на эти условия. Улавливаете иронию? Человека нужно уговорить принять дорогой – очень дорогой! – подарок. В новых фильтрах, созданных по неизвестной им технологии, русские почему-то видят троянского коня. А что мы будем делать, если через неделю ваши фильтры выйдут из строя? – спрашивают они. И здесь уже не помогают никакие доводы. Ну какой российский чиновник поверит в то, что некая неправительственная организация из закордонья – есть у них в России такое словечко – просто так, за здорово живешь, подарит ему

новенькие промышленные фильтры только потому, что их, иностранцев этих поганых, беспокоит, видишь ли, судьба самого глубокого в мире озера? Ну, чистый бред! С точки зрения российского чиновника, разумеется.

А вот интересно, что думает по этому поводу простой московский таксист?

– Извините, – посмотрел я в затылок водителю. – Можно поинтересоваться, как вы, лично вы, относитесь к проблеме озера Байкал?

Не оборачиваясь и даже в зеркало на меня не глянув, таксист поднял правую руку и основательно почесал стриженный затылок.

Ну, давай же, дорогой, скажи что-нибудь веское! Изреки какую-нибудь вековую народную мудрость!

– А где это?

– Что? – не понял я.

– Байкал ваш.

– В Сибири...

– Тю! – таксист помахал рукой в воздухе. – Так мы ж в Москве!

– Но Сибирь – это Россия.

– А мне-то что? – пожал плечами шофер. – Я дальше Волоколамска никогда из Москвы не уезжал. Сибирь... – Водитель крутанул головой, как будто смешок проглотил. – Но, – веско! – Курилы японцам не отдадим!

Вот оно! Исконно русское мышление! Байкал нам нафиг не нужен, потому что он и без того наш, но Курилы супостату не отдадим!

Да, тут было над чем подумать. И времени поездки от Шереметьева-2 до «Балчуга» для этого было явно маловато.

– Приехали, – сообщил шофер, затормозив у входа в гостиницу.

Он обернулся, положил локоть на спинку водительского сиденья и посмотрел на меня с такой улыбкой, будто собрался позволить мне забрать Курилы.

Я улыбнулся в ответ – спасибо, не надо – и полез в карман за бумажником.

– Можете расплатиться уинами, – не понял моей улыбки шофер.

Дались же им эти уины! От них же никакого проку, если нет информационного пространства!

– У меня есть рубли. – Я раскрыл бумажник. – Сколько?

– В уинах дешевле будет, – шофер чуть прищурил левый глаз, словно собирался подмигнуть мне заговорщицки.

– Сколько? – я достал из бумажника деньги.

Шофер отвернулся недовольно и щелкнул пальцем по кнопке. На кассовом табло загорелась сумма к оплате – 320 рублей. Еще десять процентов чаевых, ладно.

– Прошу вас, – я протянул шоферу ровно 352 рубля.

Таксист забрал деньги, сунул мне в руку чек и, опустив клавишу на панели управления, открыл заднюю дверцу.

– Всего доброго, – сказал я, выбираясь из машины.

Рядом уже суетился швейцар-негр в малиновой ливрее с золотыми позументами, так и норовивший вырвать у меня из рук саквояж.

– Благодарю, помощь мне не нужна.

Швейцар недовольно засопел, шевельнул вывернутыми ноздрями и с обиженным видом отошел в сторону. Да, вот чего негру не хватало, так это широкой, окладистой бороды, которую можно степенно оглаживать, стоя в сторонке и предаваясь возвышенным думам о судьбе родины.

* * *

Номер люкс 412 был постоянно зарезервирован за Мировым экологическим форумом. Точно так же, как еще семь номеров на разных этажах гостиницы. Не сказать, чтобы «Балчуг» ломился от посетителей, но так оно было спокойнее, надежнее, да и солиднее, в конце концов. Портье вокруг меня едва лезгинку не станцевал, стоило мне показать золотую карточку «Службы Путешествий». Тут же коридорного свистнул, чтобы он мой багаж на четвертый этаж доставил. То, что из багажа у меня оказался только саквояж, который я никому не хотел доверять, страшно обескуражило как портье, так и коридорного, а также горничную, которая тоже на что-то рассчитывала.

Поднявшись в номер, я сунул в руку увязавшемуся таки за мной коридорному двадцатку и захлопнул дверь у него перед носом. Не хватало только, чтобы он начал демонстрировать мне все достоинства номера, в котором я останавливался уже в пятый... Или в шестой раз?

Я поставил саквояж на журнальный столик в гостиной, снял пиджак, кинул на спинку стула, распустил узел галстука, глубоко засунул руки в карманы и посмотрел по сторонам. С последнего моего посещения в номере почти ничего не изменилось. Если не считать ночника в виде китайского фонарика на стене. Прежде на этом месте висела полочка с фигуркой гондольера, у которого при хлопке зажегся тусклый огонек на кончике весла. Я достал из кармашка часы, щелкнул крышкой и посмотрел на циферблат.

Без пяти четыре.

Что ж, очень хорошо. Сегодняшний вечер у меня был свободен.

Я подошел к огромному, едва не в полстены, бару, открыл холодильную стойку и не спеша изучил ассортимент. Выставка была замечательная. Скользя взглядом по этикеткам, я остановил выбор на ледяном чае с лимоном.

Подхватив одной рукой бутылку, другой – тяжелый четырехгранный стакан, я ногой подтолкнул кресло к невысокому шестиугольному столику из карельской березы. Устроившись в кресле, я налил себе стакан чая и, мысленно отсалютовал всем, кто был рад или вовсе не рад видеть меня в Москве, сделал два больших глотка. Чай был хорош! Прохладный, чуть кислотный, пузырьки углекислоты приятно щекочут небо.

Ах, блаженство!

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Вот так можно сидеть и не только ничего не делать, но даже и не думать ни о чем. Час, другой, третий... Интересно, на сколько меня хватит? Или, если повернуть вопрос иначе, на сколько мне хватит чая? Потому что сидеть в кресле без чая совсем скучно.

Приоткрыв один глаз, я посмотрел на застывший серой глыбой в углу телевизор. Модель с голосовым управлением. Чтобы этот ящик работал как следует, на него нужно орать, потому что простых, тихих слов он не понимает. Или не желает понимать. А может быть, его специально так настроили на заводе?

Россия...

Я допил чай и поставил стакан на столик.

И тут оно началось.

* * *

Станным было не то, что это вообще происходило – к странностям я был готов, – а то, что всякий раз это начиналось по-разному.

Когда это случилось в первый мой приезд в Москву, я страшно перепугался. Решил, что спятил. Или, в лучшем случае, переутомился. Принялся таблетки глотать успокаивающие, все,

что под руку попадались. От транквилизаторов меня вело, как суслика среди зимы. Каким-то чудом я дотянул до конца визита. В самолете меня скрутило так, что думал, точно концы отдам. Перед глазами все плыло, как будто смотришь на мир сквозь гигантские прозрачные шестеренки, крутящиеся, цепляющиеся друг за друга и переливающиеся радужным сиянием. По сравнению с тем, что я лицезрел в гостиничном номере, видение это не наводило смертельного ужаса. Но и ощущение близящегося полного разрыва с действительностью было не из самых приятных. Но как только самолет пересек кордон, отделяющий Россию от единого информационного пространства, морок будто рукой сняло. Я вновь был полон сил, бодр, уверен в себе и в реальности происходящего. Поэтому я не стал обращаться к специалистам, решив, что уины уже вычистили из моего организма всю заразу.

Но в следующий мой приезд все повторилось в еще более тяжелой форме. Первые два дня я еще как-то боролся с бредом, а потом просто выпал из реальности. Картина окружающей действительности причудливо дробилась и перемешивалась с кошмарными образами, являвшимися из ниоткуда. Вернее, это я не мог понять и объяснить их происхождение.

Позже я определил для себя это состояние словом «накат».

А майор Ворный научил меня бороться с ним другим накатом.

– Ну, накатили! – провозглашал обычно Владимир Леонидович перед тем, как опрокинуть в рот стопку водки.

И снова морок отпустил меня, стоило пересечь границу единого информационного пространства.

Так что ж, выходит, это сама Россия на меня так воздействует?

Вернувшись домой, я попытался выяснить, не происходит ли то же самое с другими людьми. Я перерыл горы специальной литературы, побывал на всех доступных медицинских сайтах, переговорил с несколькими знакомыми врачами. И ничего не нашел по интересующему меня вопросу. Абсолютно ничего. Ни намек даже.

Получалось, только я один летаю с катушек, едва оказавшись вне зоны единого информационного пространства?

И чем же я заслужил такое?

Что самое ужасное, моя работа в Российском секторе Мирового экологического форума была связана с регулярными поездками в Москву, Питер, Новосибирск и другие крупные города единственной страны, упорно не желавшей присоединиться к единому информационному пространству.

Конечно, я мог подать прошение о переводе в другой сектор. Даже не объясняя причин. И прошение это, скорее всего, было бы удовлетворено. Но ряд причин удерживал меня на месте. Во-первых, работать в Российском секторе МЭФа было престижно и интересно – Россия оставалась самой неблагополучной страной в области экологии, и там было где применить наши знания и умения. Во-вторых, мне не могло не льстить то, что я считался одним из лучших специалистов по России. Дело в том, что моя задача заключалась не в мониторинге экологической ситуации и не в разработке новых проектов для ее улучшения. Я должен был уговаривать русских идти с нами на контакт. И, надо сказать, у меня это неплохо получалось. В среднем из шести предложенных мною проектов русские один принимали. В-третьих, работа моя хорошо оплачивалась, что также немаловажно. И, наконец, самое главное – мне нравилась моя работа. Нравилась настолько, что я не мог даже представить себя занимающимся чем-то другим.

Поэтому я продолжал работать в Российском секторе МЭФа. И как минимум раз в полгода летал в Россию, старательно скрывая ото всех, что там со мной происходит.

Со временем я не то что привык к накатам, но смирился с ними, как с неизбежной профессиональной вредностью.

* * *

Окна в гостиной были закрыты плотными шторами, темно-зелеными с шитыми золотыми нитями узорными «огурцами». Под потолком горела двухъярусная люстра с длинными витыми висюльками, довольно аляписто имитирующими хрусталь.

Сначала я краем глаза заметил, как по шторам пробежало легкое марево, будто раскаленный воздух над жаровней колыхнулся.

Я резко повернулся в сторону окна.

Все нормально. Даже сквозняк шторы не колыхнет.

Откуда же это ощущение, будто происходит что-то странное?

Тихо звякнули стеклянные висюльки люстры над головой.

Я поднял взгляд.

Вокруг люстры кружилось с десятков голубоватых искорок. Когда одна из них догоняла другую, та отскакивала в сторону, цепляла стеклянную висюльку, и та издавала едва слышный звон.

Я покосился в сторону бара. За стеклянной дверцей стояла спасительная бутылка водки. Но – нет. Накат был пока слишком слабый для того, чтобы использовать радикальные методы. Не накат даже, а так себе, накатишко. Такой можно было перетерпеть, не прибегая к допингу.

Чтобы отвлечься, я взял со стола папку с программой визита.

Сегодня у меня был свободный день. В среду – встреча с заместителем секретаря думского комитета по экологии. То, что для начала только заместитель, – это нормально. Для России – нормально. Русские любят погонять проект по скользким ступенькам бюрократической лесенки. Для кого-то этот зам. секретаря мог стать непробиваемой стеной. Но у меня есть опыт, как обходить такие препятствия.

Краем глаза я заметил, как по стене мимо китайского фонарика пробежала ярко-оранжевая саламандра. Бежит – и пусть себе бежит. Главное, не обращать на нее внимания, сделать вид, будто не заметил. Иначе она остановится и попытается разговор завязать. А то еще и приятелей позовет.

Вечером – неофициальная встреча с представителем общественного движения «Зеленый Мир». В приложенной справке говорилось, что это малочисленная организация, не пользующаяся популярностью среди населения и не имеющая своих представителей в Госдуме. Однако лидеры «Зеленого Мира» поддерживают идею вступления России в единое информационное пространство. Поэтому мне предлагалось оценить, можно ли рассчитывать на то, что со временем «Зеленый Мир» перерастет в политическую партию, лоббирующую интересы единого информационного пространства. Что ж, разберемся.

Я перевернул страничку, чтобы узнать расписание на четверг. И тут накатило по полной программе.

Прямо со странички на меня прыгнула какая-то зверюга с разинутой пастью. Я едва успел увернуться. Зверюга – помесь крокодила, носорога и бабуина – вцепилась клыками в спинку кресла и принялась отчаянно драть ее. Я с размаху огрел тварь папкой по голове и вывалился из кресла.

Обернулся.

Зверюги нет.

Кресла – тоже нет.

А в голове поют хрустальные колокольчики.

Ох, не к добру эти колокольчики.

Не к добру!

Наученный опытом, я знал, что хуже хрустальных колокольчиков может быть только китайская тростниковая флейта.

Стоило только о ней подумать, как тут же послышались протяжные, заунывные завывания.

Та-ак...

Медленно отступая в сторону окна, я настороженно поглядывал по сторонам, дабы не упустить момент начала трансформации.

И – вот оно!

Сперва на поверхности журнального столика появилось темное пятно. Раскручиваясь по часовой стрелки, оно быстро увеличивалось в размерах, превращаясь в глубокую, бездонную воронку. Первой в воронку улетела папка с расписанием визита. Следом за ней соскользнул стакан с недопитым чаем. Затем – большая стеклянная пепельница.

Схватив за ручку саквояж, который тоже начал опасно крениться в сторону черной воронки, я отпрыгнул назад и упал в кресло.

Выскользнувшие из подлокотников бледно-розовые, похожие на гигантских дождевых червей, шланги зафиксировали мои руки и обернулись вокруг живота. Я едва успел кинуть в сторону саквояж – чтобы врагам не достался.

Дернувшись изо всех сил, я порвал один из шлангов, другой намотал на руку, в третий впился зубами.

Кресло подо мной исчезло, и я плюхнулся на пол.

С потолка начала сыпать мелкая снежная крупа. Холодная и противная.

Я высунул язык и поймал одну из крупинок на язык.

– Не ешь меня! – в отчаянном ужасе воскликнула снежная крупинка. – Я тебе пригожусь!

Самое плохое, это когда они начинают говорить. Значит, пора совершить встречный накат.

Я проглотил так не хотевшую умирать снежную крупинку, встал на четвереньки и посмотрел по сторонам.

Где бар?

Бара не было!

Что за черт!

Я же точно помню, что в гостиной был бар!

С сухим хлопком, напоминающим приглушенный выстрел, включился телевизор. Раздвинув руками бегущие по экрану полосы, на меня с укоризной взглянул толстый, с обвисшими щеками диктор.

– И не стыдно тебе?

Только не разговаривать с ними!

Только не разговаривать!

Я на четвереньках пополз прочь от телевизора.

– Ку-уда-ааа!

Диктор по пояс вылез из экрана, протянул длинную, словно раздвижную, ручищу и ухватил меня за щиколотку.

Я дернул ногой, но он держал крепко.

Тогда я перевернулся на спину и что было сил заехал ему кулаком по носу.

Бред полнейший! Драться с фантомом!

Однако сработало.

Диктор выпустил мою ногу и ухватился рукой за расквашенный нос.

– Зар-ра-зз-ааа... – процедил он, зло глядя на меня.

– Сам дурак, – ответил я и, выбросив перед собой руку с дистанционным пультом управления, нажал на кнопку выключения.

Телевизор взорвался, будто внутри его сработал фугас.

Я упал на пол, руками прикрывая голову от летящих во все стороны осколков.

Мне нужен был бар. Нужен позарез. Накат шел по полной программе, и уже было ясно, что самому мне из-под него не выбраться. Но зеленые лианообразные растения опутали всю комнату, так что стен не было видно. Я не имел понятия, в какую сторону ползти, чтобы добраться до бара.

На красном ковре, постеленном на пол, прорисовалась морда тигра. Зверюга сверкнула глазами и хищно разинула пасть с явным намерением откусить мне голову. Я лбом ударил тигра в нос и быстро-быстро пополз на четвереньках куда-нибудь подальше.

Бац!

Я головой ударился об угол журнального столика.

Больно. Но теперь я хотя бы знал, что нахожусь в центре комнаты.

На столике стоял огромный цветочный горшок в плетеном кашпо. Торчавший из него цветок больше всего был похож на невероятно разросшийся куст крапивы со стеблем толщиной в два пальца. Цветок склонился надо мной. Два широких листа с зазубренными краями сложились вместе и, шевелясь и причмокивая, будто губы беззубого рта, потянулись к моему носу.

Ну что за напасть! Этот тоже собрался кусаться.

Я схватил крапивный куст за стебель – руку будто разрядом электрического тока обожгло, – одним рывком выдернул из горшка и как следует встряхнул. На полированную поверхность столика посыпались комья земли.

– Ду-ура-ак! – противно заныл кустик. – Я не крапива, а марихуана!

– Будет прикидываться-то, – криво усмехнулся я.

– Что я тебе плохого сделал?

– А хорошего что?

– Это ты должен обо мне заботиться!

– С чего бы вдруг?

– Потому что ты в ответе за тех, кого приручил.

– Я тебя первый раз вижу.

– Да-а?.. А кто меня в горшок посадил?.. Расти, говорил, расти, набирайся дури!..

– Ты меня с кем-то путаешь.

– Ну да, – саркастически усмехнулся кустик. – Тебя, пожалуй что, спутаешь!

– Я только сегодня приехал.

– И сразу собрался меня замочить!.. Ты – киллер?.. Скажи, сколько тебе заплатили, я дам вдвое больше!..

– Ты бар здесь поблизости не видел?

– Какой еще бар?

– Обычный, с бутылками!

– Ты что, дура-аак? Я ж не пью!

Все, кранты! С несуществующим крапивным кустом разговариваю!

Что делать-то?

Что делать!..

Я затравленно глянул по сторонам.

– Отпусти меня! – потребовал крапивный куст. – А то вернутся мои парни!..

Я ткнул куст в горшок.

– И землицы подсыпь!

– Обойдешься!

– Все, мужи-ик, – мстительно зашипел куст. – Считаю, ты – труп!..

И в этот момент зазвонил телефон.

Вот оно!

Я точно помнил, что телефон стоял на полке слева от бара! Точно! Значит, нужно ползти на звук!

И я пополз.

Пригнув голову, пролез под журнальным столиком. Отпихнул в сторону совсем не кстати подвернувшийся под руку саквояж. Раздвинув зеленую поросль, нащупал рукой стену. Медленно поднялся на ноги.

Телефон звонил совсем рядом.

Я запустил руку меж лиан, шелчком откинул покусившегося на мой палец здоровенного богомола и на ощупь нашел телефонную трубку.

Лучше бы это была бутылка водки. Но трубка – тоже хорошо. Телефон – это связь с реальностью. И, поскольку уж телефонная трубка была у меня в руке, я поднес ее к уху.

– Слушаю...

– Здорово! – бодро рявкнул из трубки знакомый голос.

– Привет, Владимир Леонидович, – с облегчением выдохнул я.

Майор Ворный – это человек. Человек с большой буквы! Тот самый Человек, который не даст мне сгинуть в заполонивших номер сюрреалистических джунглях.

– Как дела, Петр Леонидович? – бодро осведомился Ворный.

– Фигово, – честно признался я.

– Что, здорово накатило? – участливо понизил голос Владимир Леонидович.

– Как никогда.

– Да-а... Что-то быстро на этот раз.

– И не говори.

– Так я зайти-то могу?

– Обязан!

– Понял! Что там у тебя на этот раз?

– Джунгли... Крапивный куст с манией величия... Да, еще телевизор взорвался.

– Ох и ни фиги себе! – присвистнул Ворный, вроде как с восхищением даже. – Ладно, я ша буду!

– Только ты дверь сам открой, – попросил я. – А то, боюсь, не найду.

– Как скажешь, дружище!

В трубке короткие гудки отбоя.

Все еще сжимая трубку в кулаке, я тяжело опустился на пол.

Сразу с трех сторон ко мне потянулись зеленые стебли лиан.

– Не-а, – усмехнувшись, покачал головой я. – Ничего у вас на этот раз не получится. Сейчас придет майор Ворный, и всем вам наступит кирдык!.. Что, не верите?..

* * *

– Давай, Петр Леонидович... Давай...

В носшибанул резкий водочный дух.

Я, не глядя, схватил протянутый стакан и залпом выпил. До дна.

А-ах-х-х!..

Перехватило дыхание.

Из глаз слезы покатались.

Сколько там было? Грамм сто? Сто пятьдесят?..

Поставил стакан на пол рядом с собой.

Сел. Поджал под себя ноги.

Рукавом вытер слезы.

Зрение прояснилось.

Отлично. Что тут у нас?

Прямо передо мной – круглая, румяная, улыбающаяся во все щеки физиономия майора Ворного. Сидит на корточках и пялится на мои страдания.

– С приездом, Петр Леонидович!

Я лишь рукой махнул. Поднялся на ноги, сделал два шага и упал в кресло.

Ворный подхватил с пола пустой стакан, поставил его на журнальный столик рядом с початой бутылкой водки, сел в другое кресло, с довольным видом сложил руки на животе и на меня уставился.

– Спасибо, Владимир Леонидович, – вяло пробормотал я.

В нос ударила водочная отрыжка.

Я сорвался с места, схватил открытую бутылку с чаем и стал пить прямо из горлышка.

Отпился.

Перевел дух.

Сделал еще глоток.

Славно...

– Как же ты работать будешь, Петр Леонидович, ежели на тебя уже в первый день так накатывает, что на пол опрокидывает?

Я только поморщился в ответ – говорить мне сейчас не хотелось. Еще глотнув чая, я посмотрел по сторонам, чтобы оценить размеры нанесенного номеру ущерба.

Все оказалось не так уж плохо. Телефонный аппарат валялся на полу с расколотым корпусом, и от массивной стеклянной пепельницы откололся кусок. Зато телевизор, который, как мне казалось, взорвался, оказался целехонек.

Я поднял валявшийся на полу пульт дистанционного управления и кинул его на столик. Прихватив бутылку чая и чистый стакан, я вернулся за стол.

– Здорово накатило? – спросил Ворный.

Я молча кивнул.

То ли я еще не до конца отошел от шарахнувшего так внезапно по голове глюка, то ли гроза приближалась, но мне показалось, что из окна, промеж неплотно задернутых штор, в комнату лезет сероватый сумрак. И это было нехорошо. Очень нехорошо. Потому что сумрак мог в один миг обернуться черт знает чем.

– Ну, ладно! – майор Ворный решительно взялся за бутылку с водкой и одним умелым движением свинтил с нее пробку. – Давай-ка и мы тогда накатим!

Владимир Леонидович поровну плеснул в оба стакана, себе и мне. Взяв свой стакан, Ворный посмотрел на меня сквозь стекло.

– Рад тебя видеть, Петр Леонидович, – сказал он с таким убийственно серьезным видом, что это могло и за издевку сойти.

Но я знал, вернее, почти не сомневался в том, что Ворный говорит от чистого сердца.

Мы чокнулись и разом опорожнили стаканы.

Кстати, то, что мы с майором Ворным оба Леонидовичи, ровным счетом ничего не значит. Ну, просто так случилось. В жизни и не такие совпадения бывают.

Ворный взял бутылку чая и запил прямо из горлышка.

– Вот как? – прищурившись, посмотрел он на меня.

– Нормально, – кивнул я. – Отпускает.

– Ну и славно.

На всякий случай Ворный снова наполнил стаканы. Но пить мы пока не стали.

В голове у меня все еще пели хрустальные колокольцы, но звон их уходил все дальше и становился все тише. По телу разливалась приятная истома. Но спать не тянуло. Наоборот, хотелось заняться чем-то дельным.

– Ну, что нового в едином информационном пространстве? – так, между прочим, поинтересовался Ворный.

– Отдельные умельцы осваивают полет без крыльев, – ответил я.

– Да ну? – искренне удивился Ворный. – Это как же?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – Но как-то выходит.

– Вот-вот, – с укоризной кивнул Ворный. – Сами не ведаете, что творите.

– Снова ты за свое, Владимир Леонидович. – Я скривил губы в вымученной усмешке.

– А что, попробуй скажи, что я не прав! – тут же вскинул брови майор. – Вы же понятия не имеете, как работают эти ваши уины!

– Общий принцип известен, – не очень охотно возразил я.

Всякий раз, на протяжении без малого пяти лет, встречаясь, мы начинали этот разговор. Новых аргументов ни у меня, ни у Ворного с тех пор не появилось. Однако каждый продолжал упорно – уперто! – отстаивать свое мнение.

– Общий принцип, – передразнил меня Ворный. – И что дальше?

Я поднял стакан и коснулся им края стакана майора.

– Ты, Владимир Леонидович, тоже не знаешь сути химического процесса расщепления алкоголя. Однако ж это не мешает тебе водочку употреблять.

– Водочка – это совсем другой коленкор, – деловито улыбнулся Ворный.

Майор поднял свой стакан, и мы выпили.

В голове поплыл серебристый, мерцающий туман. Хороший знак – можно расслабиться, нового наката сегодня уже не будет.

– Водочка, – продолжил свою мысль Ворный, – она ведь человечеству не одну сотню лет верно служит. Все, можно сказать, на опыте поколений проверено. Она, между прочим, и тебе если не жизнь, так разум спасает.

– Если бы Россия присоединилась к единому информационному пространству... – начал было я.

– Если бы Россия присоединилась к вашему долбаному пространству, – перебил меня Ворный, – так не было бы уже России. А может быть, и вообще ничего не было. Стояли бы на голой матушке-Земле только башни ваши информационные.

Я откинулся на спинку стула, кулаком подпер щеку и насмешливо посмотрел на майора.

– Ты, Владимир Леонидович, когда последний раз за кордоном был?

– Не так давно! – с вызовом дернул подбородком Ворный. – С полгода назад. И не по служебной необходимости – детей в «Диккенс Уорд» возил. Старший в прошлом году Диккенса в школе проходил, ну, вот я и решил...

* * *

Тут надо сказать, что майор Ворный не просто так себе майор, а майор Госбезопасности. И его прямая обязанность – за гостями закордонными присматривать. За мной в том числе.

Как получилось, что я со своим соглядатаем за одним столом сижу и водку пьянствую?

Во время второго моего визита в Москву меня скрутило по-настоящему. Не то что в первый раз. Я в это время находился в конференц-зале гостиницы «Депутатская», где проходила презентация нового проекта восстановления плодородных земель Краснодарского края, предложенного Мировым экологическим форумом. Почувствовав себя плохо, я еще успел выйти из зала и дойти до туалета. Там-то на меня и накатило. Сначала мне привиделось, что кафельные плитки облетают со стен, кружатся вокруг меня, будто бумажные голубки, и так и норовят клюнуть кто в лоб, кто в глаз. Отмахиваясь от плиток, я отступил к туалетной кабинке. Вынырнувшая из унитаза анаконда обвилась вокруг ног и повалила меня на пол. Я попытался встать, но руки по локоть провалились в странное месиво, напоминающее полузастывший алебастр.

Наверное, я закричал. Потому что поджидавший меня у дверей майор Ворный забежал в туалетную комнату. Увидев, как я корчусь на полу, он подхватил меня под руки, оттащил к умывальникам и усадил на мягкую скамеечку, под зеркала.

– Эж, как на тебя накатило-то, – с сочувствием покачал головой Владимир Леонидович. – Ну-ка, давай еще сверху накатим.

Позже майор Ворный рассказал:

– Ну и дурной же ты был тогда, Петр Леонидович. Так сразу и не поймешь: не то чертей ловишь, не то католиков гоняешь. Ну, я решил, что это у тебя с бодуна отходняк такой тяжелый. У вас-то, в закордонье, сухой закон, поэтому многие, как только к нам попадают, сразу квасить давай.

Ну а решив, что это мне с похмелья так плохо, сердобольный майор Госбезопасности достал из потайного кармашка плоскую фляжку с президентским профилем на блестящем боку, отвернул с нее крышечку и дал мне хлебнуть коньячку из своего энзэ.

Пил я на автомате, не соображая, что делаю. После трех хороших глотков весьма неплохого коньяка мне, как ни странно, полегчало. Но для того, чтобы довести все до ума, нужно было накатить как следует. И мы вместе с майором Ворным поехали в гостиницу, где я жил.

В тот вечер, открыв для себя целительную силу алкоголя, я основательно опустошил запасы бара в гостиничном номере. Владимир Леонидович от меня не отставал. Впредь мы себе такого уже не позволяли. Но в тот вечер мы сначала перешли на «ты» – хотя и продолжали называть друг друга по имени-отчеству, – потом поговорили о футболе – Ворный эту игру любил, я же был к ней абсолютно равнодушен, – о женщинах – которых любим, – о детях – которые имелись только у Ворного, – о начальниках, которые мешают нам жить – ну куда ж без них, – об информационных башнях, странной, на мой взгляд, российской политике неприсоединения к единому информационному пространству... В общем, прошлись по порядку по всем приличествующим случаю темам. И под конец, как-то очень легко и просто, Владимир Леонидович признался, что служит в Госбезопасности, в отделе Информационных диверсий и к тому же вовсе не случайно оказался у дверей туалета, в котором на меня накатило.

– Ты не думай, что это я по пьяни разоткровенничался, – повторил он раз семь. – Нас в гэбэ учат пить так, чтобы не пьянеть. Специальная наука есть, грапулогия называется, не слышал?... Ну, вот знай теперь... Я и в первый твой приезд за тобой приглядывал... Ага, а что ж ты думал?... Но ты же нормальный мужик, наш, русский!.. Ну и что, что живешь в этой ж... Ну, в смысле, за кордоном?... Какому коренному буржую водка в себя прийти поможет? А? Скажи мне?... Вот то-то и оно! Ты – наш! Поэтому я и решил: с тобой по-нормальному можно... Ну, в смысле, просто поговорить, выпить...

Не был майор Ворный похож на наивного мальчика и, надо полагать, не надеялся на то, что я поверю его объяснениям. Он четко отработывал обязательную программу. В конце концов, для того, чтобы следить за мной, совсем не обязательно было посылать майора Госбезопасности. Майору нужен был личный контакт. Что ж, меня это устраивало. Грехов за мной никаких не водилось, я выполнял свою работу в строгом соответствии с договоренностью между правительством России и МЭФом. Поэтому мне было куда как спокойнее общаться с майором Ворным, человеком образованным и в общении приятным, нежели ловить косые взгляды и в каждом встречном подозревать соглядатая. Если общение со мной может принести Владимиру Леонидовичу какую-то пользу, что ж, я не против.

Чего я поначалу никак не мог взять в толк, так это какой интерес представляет моя скромная персона для российской Госбезопасности? В первые приезды я вообще только с лекциями выступал, о новых программах МЭФа рассказывал. Я так напрямую и спросил у Владимира Леонидовича: ну какой из меня шпион?

Ворный объяснил, что дело тут вовсе не в шпионаже – «Ты что думаешь, я бы вот так водку пил со шпионом?» – Госбезопасность присматривает за всеми, кто прибывает в Россию

из-за кордона. Даже за своими, кто туда по работе или отдыхать ездил. Все дело в том, что Россия, как известно, упорно не желает допускать на свою территорию информационные нанотехнологии, изменившие жизнь всего остального мира, в котором нет больше ни границ, ни закрытых территорий. А в последнее время, если верить майору Ворному, в России то здесь то там, чаще всего в отдаленных, малообжитых районах, вроде как сами собой стали прорастать информационные башни.

Собственно, и у нас все так же начиналось: сначала – информационные башни, следом за ними – универсальные информационные носители, ну а уж потом – единое информационное пространство. Русские сразу же выставили санитарный кордон – распахали километровую полосу вдоль всей границы и, как только на ней информационная башня расти начинает, тут же ее выкорчевывают – заливают жидким азотом.

– Мы знаем, как происходит естественное перемещение спор информационных башен, – говорил мне майор Ворный. – Если бы даже каким-то чудом им удалось проникнуть за наш санитарный кордон, то башни начали бы расти вдоль границ. Так нет же! – в сердцах хлопал ладонью по столу Владимир Леонидович, так, что рюмашки подскакивали. – Ростки башен появляются в глубине нашей территории! Как правило, в местах с невысокой плотностью населения. Чтобы, выходит, не сразу их обнаружили. И что это значит?

– Что это значит? – тупо повторял я вопрос майора.

– А то и значит, что кто-то, вернее, сволочь какая-то, завозит споры контрабандой. И рассеивает их тут у нас!

Бац!

Кулак Владимира Леонидовича впечатывается в столешницу.

– А при чем тут я?

– При том, дружище, – Ворный клал мне руку на плечо, наклонялся поближе и шептал в самое ухо, – что обычные туристы в крупных городах толпятся. Москвы, Питера, Вологды и Новосибирска им за глаза хватает. В глухие углы лезут только любители экстрима и вы! – он больно тыкал меня пальцем в грудь. – Юные натуралисты. Вот и получается, что экстремалы и экологи у нас – две основные группы риска. Поэтому мы и присматриваем за вами особо.

– Чушь! – возмущенно тряс головой я.

Ворный таинственно улыбался и укоризненно грозил мне пальцем. После чего брал бутылку и наполнял рюмашки.

– Ну, давай накатим...

* * *

– Вот видишь, – сказал я, продолжая начатый разговор. – А между тем «Диккенс Уорд» создан с помощью все тех же информационных нанотехнологий.

– Ну и что? – безразлично дернул плечом Ворный. – У нас под Архангельском церковь стоит, без единого гвоздя построенная.

– А при чем тут это? – не понял я.

– При том, что церковь одним топором срубить труднее, чем парк развлечений с помощью нанороботов склепать.

– По-твоему выходит, смысл жизни заключается в преодолении трудностей?

– Смысл жизни заключается в том, чтобы быть уверенным в себе и завтрашнем дне! – пафосно изрек Ворный.

Не новость – это я от него уже слышал.

– Люди, живущие в едином информационном пространстве, имеют все необходимое...

– Не имеют, а получают, – уточнил Владимир Леонидович.

– Пусть так, – не стал спорить я. – Какая разница?

– Вы разучились делать что-либо сами, своими руками.

– Для того чтобы чем-то себя занять, совсем не обязательно топором махать. Существуют наука, искусство, творчество... Тот же «Диккенс Уорд» создан с помощью информационных нанотехнологий, но придумали и спроектировали его люди.

– Ну-ну, – ехидно усмехнулся Ворный. – Ты лучше подумай о том, что, если в один прекрасный день информационные башни исчезнут, вы останетесь с голыми задницами и без куска хлеба.

– С чего вдруг информационные башни должны исчезнуть? – искренне удивился я.

– А с чего вдруг они появились двадцать лет назад? – вопросом на вопрос ответил Ворный.

На сей счет существовала общепринятая теория, но мне не хотелось ее пересказывать. Тем более что Ворный наверняка ее знал. Тем не менее он ждал ответа. Поэтому я решил отделаться общими фразами:

– В какой-то момент в развитии новых направлений науки и техники, главным образом компьютерных, информационных и нанотехнологий, произошел качественный скачок, результатом которого стало появление первых информационных башен.

– Ага, – Ворный многозначительно кивнул и расплескал водку по стаканам. – А кто конкретно их создал?

Я взял свой стакан.

– Появление первых информационных башен стало результатом самоорганизации высокоинформативных наносистем.

– В Средние века люди тоже верили в то, что мухи самозарождаются в куске гнилого мяса. Ворный поднял свой стакан.

Мы чокнулись и выпили.

– На сегодня достаточно, – сказал я, ставя пустой стакан на стол.

– Как скажешь, – кивнул Ворный. – Так что насчет витализма?

– То, о чем я говорю, скорее уж ближе к синергетике.

– Да как хочешь называй, – махнул рукой Ворный. – Все равно туфта.

– Почему?

– Потому что ни один нормальный человек не поверит в то, что сотня-другая нанороботов, случайно оказавшихся в одной банке, смогли самоорганизоваться настолько, что начали воспроизводить сами себя и самосовершенствоваться, а в конце концов пришли к мысли, что для блага всего человечества пора начать возводить информационные башни.

– У тебя есть другая гипотеза?

Глупо спрашивать – конечно, есть!

– Это начало вторжения, – с невообразимо серьезным видом изрек майор Ворный.

– Ага, – насмешливо кивнул я.

– А ты не агакай, – прищурился Владимир Леонидович. – Лучше сам мозгами пораскинь. Откуда взялись информационные башни, плодящие уинов, которыми набито твое тело, никто не знает. Как они функционируют – неизвестно. Какова их конечная цель – загадка. Сейчас уины восстанавливают поврежденные клетки твоего организма, что чисто теоретически гарантирует тебе личное бессмертие. Но что, если в какой-то момент эти самые уины начнут жрать тебя изнутри? Прикинь, за сколько часов они съедят все человечество, находящееся в едином информационном пространстве?

– Это похоже на дешевый ужастик.

– А тебе дорогой нужен? Со спецэффектами?

– Если конечная цель уинов – уничтожить нас...

– Не самих уинов, – уточнил Ворный. – А тех, кто их на Землю забросил.

– Пусть так, – согласился я. – Но почему они тогда сразу не разделались с нами?

– Потому что им нужен весь мир, – Ворный нарисовал руками большой круг. – Вся Земля. Разом. Для того они и прикидываются пайньками, чтобы мы бдительность потеряли и сами им горло подставили.

Я усмехнулся:

– Выходит, Россия – последний оплот человечества?

– Выходит, что так, – не понял, а скорее всего, не захотел понять моей иронии Ворный. – Иначе чего бы они так старались к нам пролезть.

– Кто?

– Павел Леонидович, не пытайся ты выглядеть глупее, чем есть, – недовольно поморщился Ворный.

– Пришельцы, – кивнул я.

– Да кто бы ни был, – Ворный щелкнул ногтем по краю стакана. – Главное, что мы их не звали.

– Слушай, может, обманишь меня, – дурачась, поднял руки. – Глядишь, где-нибудь под подкладкой найдешь вшитую ампулу со спорами информационных башен.

Владимир Леонидович укоризненно покачал головой.

– Если бы был способ обнаружить споры, мы бы еще на таможне всех вас проверяли. Но они ж, сволочи, под что угодно маскируются.

– А еще есть старый, проверенный способ провоза контрабанды внутри собственного организма, – напомнил я.

– Не проходит, – отрицательно качнул головой Ворный. – Внутри человеческого организма споры информационных башен теряют всхожесть.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Дружище, – усмехнулся Ворный. – Мы в гэбэ не за красивые глаза зарплату получаем. И не в уинах, заметь, а в рублях, – ну, естественно, в чем же еще, если из денег во всем мире только рубли и остались. Сей факт, Петр Леонидович, установлен научным путем.

– Опыты ставили?

– Конечно. Вы-то там у себя не додумались.

– На животных?

– И на людях тоже. Не только ж ваши туристы к нам приезжают. Наши тоже за кордон ездят. Я вот сам недавно...

– Да, да, – быстро кивнул я. – Ездил с детьми в «Диккенс Уорд»... Говорил уже... А как тебе после этого уины из организма выгоняли?

– Я что, на идиота похож? – обиделся Ворный. – Зачем же я стану эту дрянь себе по венам пускать? Вот, смотри.

Владимир Леонидович достал из кармана и положил передо мной на стол небольшой предмет, похожий на одноразовую зажигалку. Корпус из темно-фиолетового пластика. С одной стороны клапан врезан, с другой – откидывающаяся крышка. Под крышкой – небольшое округлое углубление, покрытое тонким слоем похожего на латекс материала.

– Что это? – непонимающе посмотрел я на Ворного.

– Контейнер для хранения вашей валюты.

Владимир Леонидович взял меня за руку и повернул ее так, чтобы стал виден уин-перстень на безымянном пальце.

Точно! Под крышкой контейнера такое же углубление для дозатора, как и на моем перстне.

– То-то я удивился, когда шофер в такси предложил мне уинами расплатиться. – Я вернул Ворному контейнер.

– Понятное дело, – усмехнулся Владимир Леонидович. – Уины у нас сейчас идут по рублю за штуку.

– У нас – по два.

– Поэтому и предлагают, что у нас менять выгоднее.

– А я думал...

Я в растерянности постучал пальцами по краю стола.

– Что?

– Думал, вы тоже начали уины по прямому назначению использовать.

– Да как же мы их можем использовать, если мы вне информационного поля? – удивился Ворный. – У нас уины себе по вене только полные деграданты и недоумки пускают. В поисках нового кайфа. Те же глюки, как и у тебя, только в более легкой форме.

– Неужели это кому-то может нравиться? – Не знай я Владимира Леонидовича, решил бы, что шутит.

– А ты с собой-то не сравнивай, – усмехнулся Ворный. – У тебя концентрация уинов в крови в миллионы раз выше, чем у наших дуриков. Поэтому и долбит тебя не по-детски.

– А остальных чего ж тогда не долбит?.. Ну, в смысле, туристов, которые из-за кордона приезжают?

– Долбит, только по-своему, – улыбнулся Ворный. – Им уины мозги иначе засерают. Им кажется, что у нас все такой же гадюшник, как и во времена развитого социализма. Помнишь, как у Оруэлла? Три бритвенных лезвия на год, жирные пятна на столах в общественных столовых, перегоревшие лапочки в подъездах... Искажение картины восприятия действительности по полной программе. А знаешь, зачем это нужно?

– Зачем? – спросил я на автомате, хотя думал совсем о другом.

– А затем, дружище, чтобы вы, бестолочи закордонные, считали, что мы, русские, живем в бараках, по горло в собственном дерьме и вытянуть нас оттуда для вас первейший долг и святая обязанность. Все равно что китов, выбросившихся на берег, спасти. Сами не понимаем, отчего они на берег выбрасываются, но при этом считаем, что лучше любого кита знаем, что для него благо, а что нет. Люди хватают китов за хвосты и волокут их обратно в море. А вы к нам споры информационных башен завозите, полагая, что тем самым нас от самих себя спасаете... Что, Петр Леонидович? Скажи, что я не прав!

Владимир Леонидович хотел поспорить. Бывает у него такой настрой: что ему ни скажешь – он тут же в оппозицию. Но меня интересовало другое.

– Почему же тогда я вижу не грязь и разруху, а нечто вообще запредельное? – я развел руками, подчеркивая свое недоумение. – Я сегодня с крапивным кустом ругался... И из телевизора на меня кто-то лез...

– Все очень даже просто, дружище, – Владимир Леонидович посмотрел на меня добрым взглядом врача, поставившего пациенту смертельный диагноз. – На тебя эта дурь действует иначе, потому что ты русский.

– Я родился в Бельгии.

– Ну и что? Русский – это не национальность и не диагноз. Русский – это особый стиль мышления и, если хочешь, взгляд на жизнь.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. Вы там у себя живете и ни о чем не думаете, только радуетесь, что уины из ваших организмов раковые клетки да холестериновые бляшки вычищают. А мы у себя, дружище, серьезные научные исследования проводили. И выяснили, что уины, помимо всего прочего, воздействуют на мозговую деятельность.

– Тоже мне новость, – насмешливо хмыкнул я. – Уины усиливают мозговую активность, повышая уровень интеллекта отдельно взятого индивида и заметно улучшая память. Я, например, дома давно уже не пользуюсь записной книжкой – все адреса и телефоны держу в памяти. Также они снимают стрессовую нагрузку и депрессивное воздействие отрицательных эмоций.

– Уины зомбируют людей. Они могут заставить человека видеть то, чего на самом деле нет, или вспоминать события, которые с ним не происходили. Кроме того, они влияют на оценочную позицию. В зависимости от обстоятельств уины могут заставить человека воспринимать одно и то же событие как со знаком плюс, так и со знаком минус. При этом человек уверен в том, что это его собственное мнение.

– Трудно в это поверить.

– Трудно. Особенно когда в твоём собственном мозгу уины кишмя кишат.

– Ладно, при чем тут мои галлюцинации?

– Чтобы понять и оценить воздействие уинов на психику, мы постепенно поднимали их концентрацию в организме испытуемых. Уины не разумные существа, они действуют в строгом соответствии с заложенной в них программой. Они концентрируются в строго определенных мозговых центрах и либо блокируют прохождение нервных импульсов, либо, наоборот, усиливают их. Примерно так же воздействуют на мозг наркотические и галлюциногенные препараты, только действие уинов более избирательное. Люди, как выяснилось, реагируют на активность уинов по-разному. В основном можно выделить три типа реакции. Первый тип людей с легкостью отдает свой разум под контроль уинов. Раз согласившись принять мир таким, каким показывают его им уины, они после этого живут спокойно и легко, ни о чем не задумываясь, ни в чем не сомневаясь и не зная проблем. Что характерно, Петр Леонидович, таких людей, как выяснилось, подавляющее большинство. Даже у нас, в России. Поэтому можно предположить, что именно они и являются целевой, так сказать, аудиторией уинов. Люди, относящиеся ко второму типу, пытаются неосознанно сопротивляться влиянию уинов. Это скептики, параноики и конспирологи. Они не понимают, что происходит вокруг, и, чтобы не спятить окончательно, выстраивают собственные, зачастую совершенно бредовые теории. На мозг людей третьего типа уины действуют как галлюциноген. В небольших количествах они вызывают эдакое легкое искажение картины действительности, которая, как правило, кажется приятной и даже забавной. С повышением концентрации уинов галлюцинации становятся все более тревожными и пугающими. В особо тяжелых случаях, как у тебя, Петр Леонидович, видения оборачиваются кошмарами, способными вызвать необратимое поражение мозга. Такое впечатление, что уины имеют установку убивать тех, кто не подчиняется их воздействию. Так что имей в виду, всякий раз прилетая в Россию, ты рискуешь если не жизнью, то уж рассудком точно.

– И ты говоришь мне это только сейчас? – Я попытался улыбнуться. И у меня это даже почти получилось.

То, что рассказывал Владимир Леонидович, звучало настолько невероятно, что в это невозможно было поверить. Да что там – смахивало на откровенную глупость. Но, с другой стороны, майор Ворный был не настолько глуп, чтобы верить в то, что я приму все это за чистую монету. Так чего же он хотел добиться, скармливая мне откровенную чушь?

– Мы сами только недавно об этом узнали. – Ворный передвинул зачем-то недопитую бутылку водки на край стала, как будто это была ладья на шахматной доске.

Я проследил взглядом его движение.

– А при чем тут водка?

– Хочешь выпить? – удивленно посмотрел на меня Владимир Леонидович.

– Нет, – я сделал отрицательный жест рукой. – Почему водка снимает галлюциногенный накат?

– Ты про Распутина слышал?

– Про писателя?

– Нет, про того, что при дворе Николая Второго ошивался.

– Ну, что-то слышал. Хотя особо не интересовался.

– То, что компашка юсуповская его никак убить не могла, знаешь?

– Да.

– А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что дураки они все там были и к убийству подошли по-дилетантски. Они ему цианистый калий в пирожные насыпали, а синильную кислоту в вино влили. А надо было все наоборот сделать. Потому как действие цианистого калия нейтрализуется глюкозой, а синильной кислоты – алкоголем.

– Ну я-то не Распутин.

– Понятное дело, – изобразил усмешку Ворный. – Спиртовые молекулы воздействуют на те же мозговые центры, что и уины. И даже вытесняют этих тварей с насиженных мест. Вот, держи, – Владимир Леонидович кинул на стол блестящую полоску фольги с закатанными в нее десятью маленькими круглыми таблетками. Никакой маркировки на упаковке не было. – Это антидот, разработанный в нашей лаборатории. Теперь, как накатит, можешь вместо того, чтобы водку пить, таблетку принять. Удовольствия, понятное дело, никакого, но эффект тот же самый.

Я с сомнением покрутил странную упаковку таблеток в пальцах.

– Бери, бери, – подмигнул Владимир Леонидович. – В продажу такие не поступают.

– Знаешь, что мне кажется странным? – Я машинально сунул таблетки в карман.

– Не знаю. Говори.

– То, что глюк на меня накатывает только в России.

– А что тут странного? – пожал плечами Ворный. – Оказавшись вне зоны единого информационного пространства, уины в твоём мозгу испытывают резкий дискомфорт и начинают активно понуждать тебя вернуться под сень родных информационных башен. Они стимулируют определенные участки мозга, в результате чего человек начинает испытывать крайне неприятные ощущения. А проявляется это по-разному. Одному кажется, что он попал в клоаку, на другого глюк накатывает.

Логично вроде бы, но все равно не верю.

– А какое это к тебе имеет отношение?

– Ко мне? – удивленно приподнял брови Владимир Леонидович.

– К твоей работе, – уточнил я.

– А, ты об этом... – Он вроде как забыл, о чем мы вообще разговариваем. – Информационные башни размножаются либо усами, либо спорами. Усы они больше чем на километр протянуть не могут, мы их на санитарном кордоне рубим. Споры могут разноситься ветром на гораздо большие расстояния. Но фокус в том, что развиваться спора информационной башни начинает, только когда оказывается в зоне информационного поля. Пусть очень слабого, пусть совсем ненадолго – но именно воздействие информационного поля является толчком к началу развития споры. Без него она просто соринка, мусор... Ты знал об этом?

– Нет, – честно признался я.

– Вот видишь, – с укоризной качнул головой Владимир Леонидович. – Мы о ваших информационных технологиях больше вас самих знаем. Ну, скажи мне, куда это годится?

Мне совершенно не хотелось обсуждать этот вопрос.

– Меня лично существующее положение дел устраивает, – ответил я в меру конкретно и максимально обтекаемо.

– Понял, – кивнул Владимир Леонидович. – А вот меня – нет. Поэтому ты работаешь в Мировом экологическом форуме, а я – в Российской Госбезопасности. И знаешь, Петр Леонидович, я считаю, что непрекращающиеся попытки нелегально засадить Россию информационными башнями есть не что иное, как диверсия против моей страны. И в меру своих сил и способностей буду с этим бороться.

Взгляд у майора Ворного при этом был такой, что мне хотелось не просто отвернуться, а под стол залезть, чтобы вообще его не видеть.

– Ты так это говоришь, будто в чем-то меня подозреваешь.

Я посмотрел на бутылку, стоявшую на углу стола. Тянуться далеко, а то бы непременно себе налил. А Ворному – не стал бы. Если хочет, пусть сам себе наливает.

– Если бы я тебя подозревал, Петр Леонидович, то мы бы сейчас с тобой не здесь разговаривали.

– Так что тогда?

Ворный оперся руками о колени и медленно поднялся на ноги. Заложил руки за спину, подошел к стене и стал внимательно рассматривать висевшую на ней репродукцию Проваторова. Мне лично Проваторов нравится, но для гостиничных номеров его картины, на мой взгляд, слишком мрачны. Хорошо, что во время наката я к ней спиной находился. В прошлый раз, помнится, изображенный на ней жилистый тип пытался мне удавку на шею накинуть.

– Ты не допускаешь, что тебя могут использовать? – не оборачиваясь, спросил Ворный.

– Использовать? – растерянно переспросил я. – Кто?

– Не знаю, – едва заметно пожал плечами Владимир Леонидович.

– Использовать... А с какой целью?

– Ясное дело с какой.

Ворный развернулся на каблуках, медленно подошел к столу, посмотрел на меня сверху вниз, достал из кармана и протянул сложенный вчетверо листок.

– Что это? – не касаясь бумаги, вопросительно посмотрел я на Владимира Леонидовича.

– Список мест, которые ты посещал во время своих предыдущих визитов. Ты ведь не только с министрами встречаешься, но еще и по стране ездишь.

– Это моя работа. Оценка экологического состояния...

– Меня, Петр Леонидович, твоя работа не колышет, – перебил Ворный. – Мне другой факт интересен. В каждом месте, где ты побывал, спустя какое-то время проводилась спецоперация по уничтожению проростков информационных башен.

Поскольку я по-прежнему не брал протянутый мне листок, Владимир Леонидович кинул его на стол.

– Ты хочешь сказать... – медленно начал я и умолк.

– Ну-ну, продолжай, – подбодрил меня Владимир Леонидович.

Он снова сел и сложил руки на груди.

– Нет... – Я покачал головой. – Нет! – Я протестующе взмахнул перед собой рукой. – Я не верю!

– Чему? – удивленно поднял брови Владимир Леонидович, в результате чего лицо его приобрело выражение крайней наивности.

Казалось, обидеть такого человека ничего не стоит. Но это было серьезное заблуждение.

– Ты обвиняешь меня в том, что я завожу к вам в страну споры информационных башен?

– Не кипятись, – усмехнулся Владимир Леонидович. – В этом-то я тебя как раз обвинять не собираюсь. Споры, оказавшиеся вне зоны информационного поля, за два-три месяца полностью теряют всхожесть. Я думаю, что ты, дружище, можешь являться тем самым катализатором, который пробуждает их к жизни.

– Я?... Каким образом?

– Пока не знаю. Но факты, дружище, это такая штука, с которой трудно спорить. Вот например, – Владимир Леонидович двумя пальцами взял за уголок лежащий на столе листок. – Смотри, апрель позапрошлого года. Ты ездил в Сызрань... Напомни, что ты там делал?

– Проблема защелачивания почв, – ответил я.

– Верно, – улыбнувшись, кивнул Ворный. – Ты там был с компанией наших экологов. Единственный представитель МЭФа, прибывший из-за кордона. А спустя восемнадцать дней после того, как ты покинул Сызрань, там проводилась спецоперация по уничтожению информационных башен. Двадцать три штуки выкорчевали.

– По-твоему, это моя работа?

– Не исключено.

– Ну так арестуй меня! – Я в сердцах хлопнул ладонью по столу. – Какого черта...

– Успокойся, Петр Леонидович, пока я тебя ни в чем не обвиняю.

– Пока?

– Пока.

– Пока – это сколько?

– Это пока нет фактов, подтверждающих твою виновность. Пока я считаю, что тебя используют так, что ты сам об этом не знаешь. Ты не думай, Петр Леонидович, ты не какой-нибудь уникал. У нас целый список таких же, как ты, ездящих по всей стране послов доброй воли, за которыми тянется след из проростков информационных башен.

– И что вы собираетесь в связи с этим предпринять?

– Для начала пытаемся понять, как это происходит. Поскольку сам человек, даже напигованный уинами, как подстреленная утка дробью, не является источником информационного поля, значит, у него при себе должно быть некое устройство, генерирующее узконаправленный, очень короткий импульс. Будь иначе, мы бы его засекли.

– Хочешь обыскать мои вещи? – Я сделал приглашающий жест в сторону саквояжа, который даже не начал разбирать.

– Ну что ты, – укоризненно нахмурился Ворный. – Мы ведь доверяем друг другу. – Он сделал паузу, как будто хотел удостовериться, что я не стану возражать. – Так ведь, дружище?

– Так, – кивнул я.

А про себя подумал: что он от меня хочет? Почему не говорит напрямую?

– Что ты сам обо всем этом думаешь?

– Ничего, – качнул головой я.

– Так-таки ничего?

– Меня это не касается.

– Уверен?

– Да.

– Ну что ж, – Владимир Леонидович вроде как с сожалением развел руками. – Ладно, давай свое расписание.

Я молча подтолкнул ему папку с программой визита.

Майор Ворный раскрыл папку, двумя руками взял лист бумаги с красивой виньеткой.

– Ага... Значит, на этот раз у нас в плане Облонские болота. – Владимир Леонидович глянул на меня поверх края листа. – Не был прежде в Облонске?

– Зачем спрашиваешь, если сам знаешь? – недовольно буркнул я.

– Для порядка, – ответил Ворный. – Я тоже не был. Говорят, красиво там... У тебя копия есть?

– Нет.

– Тогда я сделаю копию и тебе по пневмопочте пришлю. Договорились?

Не дожидаясь моего ответа – да и не нужен он ему был, по большому-то счету, – Владимир Леонидович сунул папку с планом моего визита себе под мышку.

– Ну, будь здоров, Петр Леонидович, – Ворный встал и протянул мне руку. – Завтра вечером я к тебе заскочу, если не против. Лады?

– Лады, – я приподнялся и пожал майору руку.

Владимир Леонидович заговорщицки подмигнул и направился к двери.

– Да, и вот что еще... – обернулся он с порога. – Ты с этими типами из «Зеленого Мира» будь поосторожнее.

– В каком смысле? – не понял я.

– Да это я так, на всякий случай. – Владимир Леонидович улыбнулся, махнул рукой и вышел за дверь.

Тихонько чмокнул дверной магнитный замок.

Я остался один.

Один на один с недобрыми мыслями.

Разговор с майором Ворным меня совершенно не вдохновил.

Я достал из кармана часы. Сухо щелкнула открывшаяся крышка. Маленькая стрелка с завитушками вокруг острого конца подбиралась к шести. Делать было совершенно нечего. Поэтому можно было просто лечь спать. И попытаться обо всем забыть.

* * *

Утро среды выдалось пасмурным. По серому небу плыли тяжелые, пропитанные влагой тучи, из которых в любой момент мог хлынуть дождь. Но проснулся я, как ни странно, в отличном настроении. Вчерашний разговор с майором Ворным не выветрился из памяти, но утром, на свежую голову, многое из того, что он говорил, стало восприниматься иначе. Собственно, вчера не произошло ничего из ряда вон выходящего. Да, Ворный чаще, чем обычно, задавал вопросы, на которые у меня не было ответов. Неприятные, прямо скажем, вопросы. Но тут уж ничего не поделаешь – работа у него такая. Ему это, может, и самому неприятно. Но долг, как говорится, превыше всего.

Заказав завтрак в номер, я принял душ, после которого окончательно воспрял духом.

Мне еще в душе начало мерещиться, будто по плиткам на стене скользят странные, ни на что не похожие, но при этом почему-то кажущиеся до боли знакомыми тени. Потом, причесываясь у зеркала, я стал различать тихие голоса. Шепот у себя за спиной. Переговаривались двое. Один, насколько я мог понять, на что-то подбивал другого. Другой же пытался его отговорить. К тому времени, когда я сел за стол, мне стало окончательно ясно, что эти двое замышляют убийство. И убить они намерены не абы кого, а меня, любимого. Чем уж я им так досадил – вопрос отдельный. Но спор их, как выяснилось, касался метода, каковым планировалось меня умертвить.

Зловещие тени скользили по полу, стенам и потолку, становясь все более реальными и плотными. Я все еще не мог их опознать, хотя они уже начинали приобретать объем.

Дождь, ударивший в оконное стекло, отозвался в ушах грохотом орудийной пальбы.

Вспучился лежавший на полу ковер – кто-то большой и толстый полз под ним, нацелившись на мои ноги.

Ждать продолжения не стоило. Возможно, кому-то и было бы интересно, чем все закончится, но я таких представлений видел множество и точно знал, что ничем хорошим это обернуться не может. Поэтому я кинул в рот одну из таблеток, оставленных майором Ворным, и запил ее боржоми.

Не прошло и трех минут, как накат сгинул, так и не успев развернуться по полной. Как ночной кошмар после пробуждения.

Собственно, уже за это стоило сказать Владимиру Леонидовичу спасибо. Обычно поутру накаты не бывают сильными. Для того чтобы сбить их, достаточно одной-двух рюмок коньяку. Но сегодня мне хотелось, чтобы во время встречи с заместителем секретаря думского комитета по экологии голова была свежей, а сознание ясным.

Русские любят проводить неофициальные встречи, как они выражаются, «на нейтральной территории». Сей эвфемизм означает, что встреча должна состояться в баре или ресторане. Уточняя время и место встречи с заместителем секретаря думского комитета по экологии господином Купейко Вениамином Муровичем, я пригласил его в небольшой ресторан с восточной кухней «Шаш-Баш», расположенный неподалеку от станции метро «Смоленская».

Донесшееся в ответ из трубки недовольное ворчание господина Купейко я расценил как согласие и за десять минут до назначенного времени уже сидел за заказанным столиком.

Господин Купейко прибыл с опозданием в сорок две минуты. Он появился в сопровождении телохранителя – черный отутюженный костюм, широкие солнцезащитные очки, выпирающая под мышкой кобура и скобка микрофона на ухе. Купейко уселся за стол напротив меня, кивнул невыразительно и, даже не извинившись за опоздание, уткнулся в меню. Для российского чиновника это нормально. Я уже привык к подобной манере общения, а потому и отреагировал как полагается – жестом подозвал официанта.

Господин Купейко заказал двойной бараний шашлык, двойные свиные ребрышки, семгу, черную икру, двести грамм «Хеннесси», два больших стакана бочкового «Гиннеса» и рюмку текилы. От предложенных салатов и зелени заместитель секретаря думского комитета по экологии гордо отказался.

Охраннику, присевшему у края стола, была предложена чашечка кофе.

На вид Купейко было лет пятьдесят. Был он невысок ростом, слегка полноват и узок в плечах. Голова его имела форму вытянутой дыни, из-за чего казалось, что все его лицо – оплывшие щеки, большой, будто опухший от пчелиного укуса нос, три дряблых подбородка и мешки под глазами – медленно, как плавящийся на солнце маргарин, стекает вниз. А еще у него была очень странная прическа – клочок черных, скорее всего крашенных, волос спереди, над самым лбом, такой же клочок сзади, на затылке и две узкие полоски над ушами.

Дабы поддержать компанию, я выпил с Купейко пятьдесят граммов коньяку. Вениамин Мурович опрокинул для начала рюмашку текилы и навалился на еду.

Он ел все то время, что я излагал ему детали Байкальского проекта. Я бы решил, что он вообще меня не слушает, если бы он не кивал время от времени. При этом Купейко продолжал жевать, низко склонившись над тарелкой, оттого я и видел лишь его покрытую пушком и пигментными пятнами макушку. Так что, возможно, это были чисто рефлекторные движения, направленные на то, чтобы протолкнуть пищу в желудок.

Купейко поднял голову только после того, как я закончил излагать, а он завершил трапезу, опрокинув в глотку последнюю рюмку коньяка. Вениамин Мурович сгреб бумаги в папку – неровно, так что углы торчали во все стороны, – вручил ее молчаливому телохранителю, вытер губы салфеткой и поднялся из-за стола. Я успел еще поинтересоваться мнением Вениамина Муровича об изложенном проекте, в ответ на что Купейко степенно изрек:

– Проект будет рассмотрен на очередном заседании комитета.

После чего сделал знак телохранителю и, не прощаясь, продефилировал к выходу.

В целом, можно сказать, встреча прошла успешно.

Дабы избавиться от ползающих под ногами черепаш с длинными, по-змеиному извивающимися шеями, я проглотил таблетку Ворного и отправился на встречу с представителем движения «Зеленый Мир».

О самом движении «Зеленый Мир» мне было известно только то, что я прочитал в короткой, на полстранички, справке, которую мне выдали в секретариате МЭФа. Общественная организация, выступающая за соблюдение Россией международных экологических норм. Что само собой подразумевает закрытие всех экологически опасных предприятий и переход на полномасштабное использование нанотехнологий. В перспективе общественное движение «Зеленый Мир» могло трансформироваться в политическую партию, отстаивающую свои интересы в Государственной Думе. Сколько членов насчитывает «Зеленый Мир», точно не известно. Сами зеленомировцы заявляли, что их поддерживают миллионы. Официальные представители российской власти считали, что по всей России у движения наберется не более нескольких тысяч сторонников. Появившись примерно год назад, «Зеленый Мир» громко заявил о себе несколькими показательными акциями, самой яркой из которых стал флэшмоб, приуроченный к сбору вопросов граждан для традиционного оф-лайн интервью Президента. Рекорд популяр-

ности побили два вопроса: «Когда ожидать пришествие Ктулху?» и «Почем шкура неубитого мидведа?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.